

Научная статья

УДК 34.01

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-3/212-229>

EDN: <https://elibrary.ru/UZFUYE>

Природа международного частного права

Литвинова Светлана Федоровна

Владивостокский государственный университет

Владивосток. Россия

Аннотация. На основе достоверного определения природы международного частного права (МЧП) можно разрешить ряд дискуссий, касающихся теории этой отрасли: определение ценности, формы, предмета, метода правового регулирования, его содержания, системной принадлежности и т.д. Это позволит усовершенствовать российское законодательство и правоприменительную практику. Доказывается, что природа международного частного права является смешанной – публично-частной (а не частной, как утверждает абсолютное большинство российских авторов). Такая характеристика международного частного права является новой для российской доктрины. Предметом исследования являются труды авторитетных российских авторов, написанные в основном в постсоветский период, а также российское законодательство. Вывод о смешанной природе международного частного права сделан на основе использования общенаучных и специально-юридических методов исследования. Основной методологией исследования был выбран системный подход. Природа норм международного частного права определяется жизненными обстоятельствами, которые объективно повлияли на его возникновение, и их взаимодействием как элементов единой системы. Вывод о публично-частной природе международного частного права основан на характеристике норм, составляющих его систем, – материальных и коллизионных. Это также является новшеством в российской доктрине. Существует мнение о том, что в их число входят материальные нормы, регулирующие отношения с участием иностранцев или определяющие их правовой режим на территории РФ, закрепленные в источниках публичных отраслей права, в том числе процессуального. Автор данной статьи не согласен с таким подходом и приводит собственные доказательства своей позиции, выбирая в качестве критерия норм международного частного права возможность их использования для разрешения правовых коллизий. Определяя частноправовую природу унифицированных материальных норм, исходя из собственного понимания термина «природа», публично-правовую природу коллизионных норм, автор делает вывод о смешанной природе международного частного права.

Ключевые слова: система МЧП, материальные нормы МЧП, коллизионные нормы МЧП, природа правового явления, публично-частная природа МЧП, публичная природа коллизионного права, преодоление коллизий права, источники МЧП, самоограничение суверенитета.

Для цитирования: Литвинова С.Ф. Природа международного частного права // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2025. Т. 17, № 3. С. 212–229. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-2/212-229>. EDN: <https://elibrary.ru/UZFUYE>

The nature of private international law

Svetlana F. Litvinova

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. Based on a reliable definition of the nature of private international law (IPL), a number of discussions can be resolved concerning the theory of this branch: determining the value, form, subject, method of legal regulation, its content, system affiliation, etc. This will make it possible to improve Russian legislation and law enforcement practice. This article proves that the nature of private international law is mixed: public-private (and not private, as claimed by the vast majority of Russian authors). This characteristic of private international law is new to Russian doctrine. The subject of the research is the works of reputable Russian authors, written mainly in the post-Soviet period, as well as Russian legislation. The conclusion about the mixed nature of private international law is based on the use of general scientific and special legal research methods. A systematic approach was chosen as the main research methodology. The nature of the norms of private international law is determined by the life circumstances that objectively influenced its emergence, and their interaction as elements of a unified system. The conclusion about the public-private nature of private international law is based on the characterization of the norms that make up its system: substantive and conflict-of-laws. This is also an innovation in Russian doctrine. There is an opinion that these include the substantive norms governing relations with foreigners or defining their legal regime in the territory of the Russian Federation, which are fixed in the sources of public branches of law, including procedural law. The author of this article does not agree with this approach and provides his own evidence for his position, choosing as a criterion the norms of private international law the possibility of their use to resolve legal conflicts. Defining the private-law nature of unified substantive norms and, based on his own understanding of the term "nature", the public-law nature of conflict-of-laws norms, the author draws a conclusion about the mixed nature of private international law.

Keywords: the IPL system, the material norms of the IPL, the conflict-of-laws norms of the IPL, the nature of the legal phenomenon, the public-private nature of the IPL, the public nature of the conflict of laws, overcoming conflicts of law, sources of the IPL, self-limitation of sovereignty.

For citation: Litvinova S.F. The nature of private international law // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2025. Vol. 17, № 3. P. 212–229. DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-3/212-229>. EDN: <https://elibrary.ru/UZFUYE>

Введение

Международное частное право (МЧП) до сих пор остается предметом многочисленных дискуссий, как и более ста лет назад. Российская доктрина не дает четкого понимания предмета, метода, источников, принципов МЧП и т.д. Такие дискуссии могут быть разрешены на основе определения природы МЧП, что, в свою очередь, может послужить основой для совершенствования законодательства и правоприменения в России. В российской доктрине МЧП ученые нечасто обращаются к проблеме определения его природы. Тем не менее такие работы существуют [1–4]. При знакомстве с ними заметен единообразный подход к определению. Современные российские авторы при изучении вопроса о природе международного частного права связывают его с соотношением МЧП с международным правом и/или определением места МЧП в системе российского частного права. Критерием определения этого места, как правило, является характер отношений, регулируемых МЧП: частные отношения, осложненные иностранным элементом. В связи с этим возникает вопрос: на каком основании считается, что частные отношения, осложненные иностранным юридическим фактом и/или

субъектом и/или объектом (далее – международные частные отношения), являются предметом международного частного права, а нормы МЧП – регулятивными? Возникает также вопрос о возможности определения природы МЧП без определения природы норм, составляющих его систему, отдельно материальных и отдельно коллизионных.

До сих пор остаются дискуссионными вопросы о природе материальных норм международного частного права (частной и/или публичной), форме материальных норм международного частного права (нормативно-правовых актах, международных договорах и/или правовых обычаях), о возможности одновременного регулирования отношений материальными нормами международного частного права и нормами других отраслей права (гражданского, семейного, трудового), а также материальными и коллизионными нормами.

На все эти вопросы можно ответить, определив природу норм, составляющих систему международного частного права. На основе достоверного определения природы международного частного права можно разрешить ряд дискуссионных вопросов, касающихся теории международного частного права: определение ценности, функций, форм и содержания международного частного права, его предмета и метода, системной принадлежности, видовой принадлежности коллизионных норм и т.д.

Рабочая гипотеза заключается в том, что международное частное право имеет смешанную природу, поскольку материальные и коллизионные нормы, составляющие его систему, принципиально отличаются друг от друга.

Цель исследования – определение природы МЧП на основе определения природы материальных и коллизионных норм МЧП.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

– определить понятие и природу материальных норм международного частного права, их форму, соотношение с нормами гражданского, семейного и трудового права;

– определить понятие и природу коллизионных норм международного частного права, их форму, связь с материальными нормами права.

Предметом исследования являются труды российских авторов, написанные в основном в постсоветский период, а также российское законодательство. Для определения природы коллизионных норм также использовались работы дореволюционных авторов – основоположников международного частного права в России – для доказательства преемственности их взглядов и точки зрения автора данной статьи. В работе также использована учебная литература, поскольку дискуссионные вопросы по некоторым аспектам международного частного права рассматриваются не в специализированных публикациях, а в учебниках.

Одним из первых фундаментальных научных трудов по международному частному праву, вышедшим в постсоветской России, стала коллективная работа под редакцией М. М. Богуславского. Она стала осмыслением достижений советской науки международного частного права и новым вкладом в теорию международного частного права. Автором раздела под названием «Проблема определения природы международного частного права в отечественной правовой док-

трине» стал сам редактор М.М. Богуславский – авторитетный ученый в области советского международного частного права. Целью этого раздела стало формирование общего представления о различных позициях, взглядах по вопросу определения природы МЧП и его места в правовой системе [1, с. 77]. При определении предмета исследования союз «и» дает основание считать, что «природа МЧП» и «его место в правовой системе» не являются идентичными. При изучении упомянутого раздела становится очевидным, что в нем ведется обзор основных дискуссий о соотношении МЧП с международным правом и внутригосударственным правом и о том, является ли МЧП самостоятельной отраслью или подотраслью [1, с. 78]. Таким образом, природа международного частного права и его принадлежность к одной из правовых систем становятся синонимами, поэтому за пределами дискуссий по этим вопросам не предпринимается попыток определить его природу иным способом.

Более того, вопрос о природе был рассмотрен в главе, посвященной предмету международного частного права и его месту в правовой системе. Если речь идет о предмете международного частного права, это должно означать, что существуют общественные отношения, которые регулируются нормами международного частного права. В этом случае предполагается, что все они являются регулятивными. Тем не менее в работе не исследуются виды материальных и коллизионных норм. Кроме того, без определения природы норм международного частного права невозможно ответить на вопрос о месте международного частного права в системе российского права. Ответа на этот вопрос в работе под редакцией М.М. Богуславского нет. Однозначно можно говорить только о возможности реализации норм (непосредственной реализации или правоприменении) международного частного права. В этой связи распространенный подход к изучению международного частного права не соответствует логическому условному высказыванию «если..., то...». Если нормы международного частного права реализуются при наличии международных частных отношений, осложненных иностранным элементом, то международное частное право – это отрасль частного права. В рассматриваемой работе за аксиому было принято утверждение, что международное частное право регулирует особые частные отношения.

Данный подход к определению природы норм международного частного права характерен для М.М. Богуславского при объяснении этой категории в его учебниках [5, с. 22–28; 6].

В кратком учебном курсе по международному частному праву В.В. Гаврилов рассматривает природу норм МЧП в контексте правовой материи (параграф 1.2) [2, с. 10]. По всей видимости, под правовой материей понимаются две правовые системы – внутригосударственная и международная. В заключение этого раздела в качестве вывода определяется место международного частного права как искусственного образования: «ни как часть международного, ни как часть внутригосударственного права», ни как собственная система права, поскольку само международное частное право состоит из норм различных правовых систем [2, с. 13]. В результате автор рассматривает международное частное право как «скорее учебно-методический и научный термин, который применяется для обо-

значения совокупности правовых норм...» [2, с. 13]. Учитывая название параграфа 1.2 «Природа норм международного частного права и его место в правовой материи», можно логически предположить, что международное частное право, не являясь системой права, а представляя собой учебно-методический и научный термин, не требует определения природы коллизионных норм международного частного права как правового явления, характерного только для международного частного права.

В очередной раз в работе наблюдается рассуждение о природе, которое начинается с определения системной принадлежности правовых норм международного частного права. В связи с утверждением автора не совсем понятно, почему система международного частного права является искусственным образованием и какого рода и вида это образование.

В 2007 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Природа международного частного права» [3, с. 241]. Глава 1 диссертации называется «Проблемы правовой природы и назначения международного частного права». В первом параграфе «Теоретические вопросы истоков и правовой природы международного частного права» автор рассуждает о природе МЧП в традиционном ключе, а именно: определяет место МЧП в системе права. В конце концов, автор работы настаивает на цивилистической природе международного частного права [2, с. 9, 241].

В своей работе Н.Х.-А. Рахмонкулова использует уже ставший традиционным подход при определении природы МЧП: определение места в системе национального права. Автор делает вывод о том, что МЧП – это отдельная отрасль права [4, с. 103], и наделяет его цивилистической природой, поскольку оно имеет специфичный предмет и метод правового регулирования. Тем самым, по мнению исследователя, природа определяется предметом и методом правового регулирования, а не наоборот.

В работе А.В. Сидоровой и Д.С. Мастяева демонстрируется иной подход к определению природы МЧП. В ней приводится алгоритм определения природы международного частного права: «особенности определения природы того или иного объекта сводятся в подавляющем большинстве случаев к определению следующих аспектов: 1) определение родовой принадлежности объекта; 2) выявление правовых корней изучаемого объекта; 3) установление места, значимости и выполняемых функций в системе иных правовых явлений» [7, с. 200–203]. Казалось бы, этот подход к определению природы МЧП отличается от рассмотренных выше. Однако в работе рассматривается только системная принадлежность МЧП. Более того, авторы утверждают, что «природа международного частного права в большей степени раскрывается благодаря уточнению таких дефиниций, как его предмет и метод регулирования». И в этом случае стирается грань между природой и существенными особенностями МЧП (предметом, методом), определяемыми природой.

Если говорить о детерминации родовой принадлежности правового явления, то излишним будет напомнить, что родовое правовое явление состоит из его видов. Если говорить о международном частном праве, то необходимо определить,

видом какого рода (класса) оно является. В зависимости от цели исследования международное частное право можно рассматривать относительно разных родов (классов). Например, относительно правовой системы, системы права, относительно воли законодателя и т.п. В любом случае международное частное право необходимо рассматривать в системе, в которой также лежат «корни изучаемого объекта». И актуальным является вопрос о составе системы. В работе А.В. Сидоровой и Д.С. Мастяева ответ на этот вопрос не дан.

Тем не менее изначально подход этих авторов был правильным. Чтобы определить природу международного частного права, необходимо выявить его содержание на основе определенных факторов и рассматривать международное частное право в системе. Тем не менее оригинальный подход упомянутых авторов к определению природы международного частного права все же сводится к традиционному подходу, основаниям и выводам.

Особое место среди работ, посвященных природе международного частного права, занимает труд Л.П. Ануфриевой «Философские аспекты международного частного права: природа, сущность и содержание» [8]. В нем автор уделяет внимание природе международного частного права как части права в целом и содержанию его коллизионных норм, а также сущности международного частного права. Ее позицию, по нашему мнению, целесообразно рассмотреть при характеристике функции международного частного права, направленной на защиту прав субъектов международного частного права.

Методами исследования являются: общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, сравнение, описание, интерпретация, формальная и диалектическая логика и др.), а также специально-юридические методы (формально-юридический, догматический).

Методологическим подходом к пониманию природы международного частного права, в частности его коллизионных норм, является системный подход, основанный на том, что право – это социальное явление, существующее в обществе, а значит, находящееся в постоянном взаимодействии с его элементами, а также с другими социальными явлениями. Основными характеристиками системы являются: элементы, связь и целостность. При рассмотрении природы международного частного права изучаются материальные и коллизионные нормы, их взаимосвязь, а также реализация, обусловленная наличием отношений, осложненных иностранным элементом, в контексте государственного суверенитета. В системе рассматривается природа коллизионных норм, элементами которой являются основные причины их возникновения: расширение взаимодействия между субъектами разных государств, утверждение концепции государственного суверенитета.

Основная часть

Понятие материальной нормы в российской доктрине не вызывает интереса у российских ученых, что подтверждается отсутствием работ, посвященных их теоретическому осмыслению. Авторы, проводящие исследования в области материальных норм, ограничиваются лишь выделением новых их видов.

К.Б. Донцова, рассматривая понятие материального права, акцентирует внимание на том, что материальная норма права непосредственно регулирует наиболее важные сферы общественной жизни. Она также отмечает, что материальными являются и охранительные нормы (нормы административного и уголовного права), обеспечивающие действие регулятивных норм [9, с. 16]. В этом определении требует осмысления термин «сфера общественной жизни», поскольку в теории права он не является устоявшимся, и автор в своей работе не раскрывает его, несмотря на то что механизм правового регулирования предполагает регулирование нормами общественных отношений. Тем не менее стоит согласиться с определением основной функции права – непосредственное регулирование.

В другом определении, данном в коллективном учебнике, материальные нормы определяются как нормы, закрепляющие «правовое положение субъектов, их права и обязанности» [10, с. 188], тем самым делается акцент на различных задачах материальных норм. При этом не отмечается задача запрета определенного поведения.

Помимо традиционных задач материальной нормы, К.Б. Донцова также выделяет задачу установления организационно-процедурных правовых предписаний [9, с. 19], таких как нормы, регулирующие регистрацию сделок с недвижимостью, и начисление пенсий [9, с. 18].

С.В. Бошно соглашается с тем, что функция материальной нормы заключается в непосредственном регулировании общественных отношений, однако при определении задач материальных норм он пишет, что с их помощью описываются свойства предметов, объектов и субъектов правоотношений [11, с. 54]. Трудно согласиться с описательной задачей права. Свойства предметов, объектов и субъектов описывает наука, а не право как «общеобязательное веление, выраженное в виде властного предписания, регулирующего общественные отношения...» [11, с. 50].

Некоторые авторы относят к МЧП материальные нормы процессуального права, которые определяют процессуальные права иностранцев [1, с. 98].

Н.И. Матузов в понятии материальных норм перечисляет виды отношений, которые ими регулируются: «реально складывающиеся между людьми и их объединениями отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом, его куплей-продажей, формами собственности, трудовой и политической деятельностью, государственным управлением, реализацией субъектами прав и обязанностей, вступлением в брак и т.д.» [12, с. 307].

Таким образом, единого определения материальной нормы не существует. Для целей данной статьи достаточным признаком материальной нормы является непосредственное регулирование отношений.

Кроме того, в большом количестве учебной и научной литературы не дается определение понятию «материальная норма», а лишь перечисляются отрасли российского права, состоящие из материальных норм, в том числе гражданское, семейное и трудовое право.

Представляется, что в российской доктрине нет дискуссий о частноправовой (цивилистической природе) норм гражданского, семейного и трудового права. В связи с этим проблематично определить соотношение норм гражданского, семейного и трудового международного частного права и названных отраслей российского права. Эту проблему порождает утверждение, что международное частное право регулирует частные отношения, осложненные иностранным элементом. Вследствие этого необходимо рассмотреть формы материальных норм международного частного права, при этом соглашаясь с утверждением, что источниками частных отраслей права являются: нормативные правовые акты, международные договоры и правовые обычаи (последние – применительно к гражданскому праву), а также общепризнанные принципы и нормы международного права как часть правовой системы России [13, с. 84].

Вопрос о формах материальных норм международного частного права в российской доктрине является дискуссионным. Причем дискуссия ведется между одними из самых авторитетных ученых в области международного частного права. Одни авторы, например Г.К. Дмитриева, считают, что единственной формой являются международные договоры [14, с. 24]; другие утверждают, что не только международные договоры, но и источники российского права содержат нормы, непосредственно регулирующие международные частные отношения. Так, например, И.В. Гетьман-Павлова в этой связи перечисляет законы РФ, относящиеся не только к частному праву (ГК РФ, СК РФ, ТК РФ, КТМ РФ), но и к публичному праву (ГПК РФ, АПК РФ, Налоговый кодекс РФ, Таможенный кодекс РФ и др.), Конституцию РФ и подзаконные акты (ведомственные инструкции, ненормативные акты министерств и ведомств РФ) [15, с. 39]. Вместе с тем она делает оговорку, что перечисленные законы и подзаконные акты являются источниками международного частного права не в целом, а как источники отдельных норм, регулирующих частноправовые отношения с иностранным элементом. В.А. Канашевский также придерживается концепции дуализма формы материальных норм международного частного права, относя к источникам материальных норм международного частного права международные договоры и нормативно-правовые акты, специально направленные на регулирование отношений с иностранным элементом. В качестве последних он называет Федеральные законы «Об иностранных инвестициях в РФ» 1999 г. и «О правовом положении иностранных граждан в РФ» 2002 г. [16, с. 20, 21].

С последней точкой зрения (об отнесении материальных норм национально-го законодательства к международному частному праву) нельзя согласиться по следующим причинам.

Международное частное право как наука, а затем и отрасль права возникло с целью преодоления коллизий права разных государств в условиях расширения международных коммуникаций. И этой цели, по нашему мнению, должны способствовать все используемые правовые инструменты, в том числе нормы права.

Материальные нормы отраслей права, непосредственно регулирующие частные (гражданские, семейные и трудовые) отношения с участием иностранных

граждан, не могут быть нормами международного частного права, поскольку они создают коллизии права, а не помогают их преодолеть.

Так, например, материальная норма, закрепленная в п. 2 ст. 161 Семейного кодекса Российской Федерации, закрепляет право супругов в случае возникновения между ними отношений, осложненных иностранным элементом, выбирать применимое законодательство для определения их прав и обязанностей по брачному договору или по соглашению об уплате алиментов друг другу. Однако отдельные страны могут полностью или частично ограничивать выбор права для брачного договора, даже если они до сих пор не ввели такой запрет. Так, например, Коран и исламское право отрицают абсолютную автономию воли сторон в выборе применимого права [17]. В этом случае возникает коллизия права, которая при определенных условиях (при наличии связи правоотношения с юрисдикцией России и такого государства) требует разрешения.

Проблематично также рассматривать эту норму как норму международного частного права, а не семейного права, если иностранный гражданин постоянно проживает на территории РФ. В этом случае его гражданская правоспособность определяется правом РФ, следовательно, для него эта норма является частью личного закона и может послужить основанием для возникновения коллизии права с правом государства его гражданства.

Нормы гл. 50.1 ТК РФ «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства» регулируют отношения между работодателем и иностранным работником. Тем не менее в этой главе материальные нормы устанавливают обязанности для работодателя. Эти нормы гарантируют соблюдение публичного порядка нахождения на территории РФ иностранцев, осуществляющих трудовую деятельность. Представляется, что их природа является публичной и требует дополнительного изучения, поскольку государство в одностороннем порядке устанавливает нормы поведения, которые являются общеобязательными и не могут быть изменены субъектами трудовых правоотношений.

Более того, если нормы гл. 50.1 «вытянуть» из трудового права и «поместить» в международное частное право, то тогда нужно признать, что любые исключения из общего правила могут стать нормами других систем национального права. Например, нормы, устанавливающие особые права для женщин, могут сформировать женское право в РФ, правила, касающиеся несовершеннолетних, – право несовершеннолетних и т.п. В этом случае к трудовому праву можно будет отнести только нормы, устанавливающие общие правила для всех категорий субъектов трудовых отношений. Тогда ситуация будет выглядеть так же, как с семейным правом, которое не имеет самостоятельного предмета и метода и, по сути, являясь подотраслью гражданского права, в России выделяется в отдельную отрасль права. Случай с семейным правом можно объяснить российской правовой традицией, чего нельзя сказать о международном частном праве, поскольку в России оно существует примерно одинаковый период времени только как коллизионное и коллизионно-материальное.

В то же время гражданское право может ограничивать гражданские права иностранцев, обеспечивая публичный порядок. Например, норма, согласно которой иностранные граждане не могут быть собственниками приграничных земельных участков. Это соответствует типу правового регулирования нормами частного права (разрешено все, что прямо не запрещено), не нарушая его целостности.

ГПК РФ и АПК РФ, Федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан», «Об иностранных инвестициях» действительно содержат материальные нормы, регулирующие отношения с участием иностранных лиц или устанавливающие их правовое положение, но такие нормы права относятся не к частному, а публичному праву. Критерием разделения публичных и частных норм права является тип правового регулирования – общедозволительный и разрешительный. Общедозволительный тип правового регулирования, характерный для публичного права, имеет правовую формулу: «разрешено все, что прямо не запрещено». Разрешительный метод, характерный для публичного права, имеет правовую формулу: «запрещено все, что прямо не разрешено».

Нормы публичного права не порождают коллизий, поскольку они всегда регулируют все публичные отношения на территории любого государства. На этом основании материальные нормы публичного права, регулирующие отношения или устанавливающие правовой режим для иностранцев, не могут быть отнесены к нормам международного частного права, целью которого является преодоление коллизий права.

Материальные нормы, регулирующие частные отношения, устанавливают права и обязанности диспозитивным методом, а запреты – императивным методом в рамках типа правового регулирования частных отношений. Если же считать, что международное частное право включает в себя все материальные нормы системы российского права, относящиеся к иностранцам, то международное частное право нельзя называть отраслью права, тем более самостоятельной (отдельной и т.п.). В этом случае международное частное право можно рассматривать как особый вид систематизации материальных норм, целью которого является обеспечение удобства пользования нормами, регулирующими частные и публичные отношения, осложненные иностранным элементом. Для этой цели можно издать соответствующий сборник, что, очевидно, будет инкорпорацией как видом систематизации.

Таким образом, материальные нормы внутригосударственного частного права, регулирующие международные частные отношения, нельзя отнести к международному частному праву, поскольку они и создают те самые коллизии, которые должны быть преодолены нормами международного частного права, тем более что нормы публичного права, регулирующие отношения с иностранным элементом, нельзя отнести к международному частному праву, поскольку они всегда регулируют отношения на территории своего государства и тем самым не создают коллизий права. Публичные права и обязанности иностранцев действуют только на территории того государства, которое их приняло, в отличие от частных прав, которые могут иметь транснациональный характер. МЧП

реализуется только при наличии частных отношений, осложненных иностранным элементом.

Что касается материальных норм, регулирующих международные частные отношения и закрепленных в международных договорах, то они помогают разрешать коллизии права разных государств методом унификации. Такие нормы имеют частную природу, как и нормы частных отраслей права. Это обуславливает возможность субсидиарного применения национальных норм материального права по отношению к материальным нормам международных договоров. Это напрямую вытекает из содержания п. 3 ст. 1186 ГК РФ.

Безусловно, природа таких норм является частной. Источниками международного частного права, а также гражданского, семейного и трудового права являются международные договоры, содержащие унифицированные материальные нормы, регулирующие частные отношения. Если предположить, что международные договоры, содержащие данные нормы, относятся к источникам международного частного права, то какие же тогда международные договоры являются источниками других названных отраслей? Ответ на этот вопрос может поставить под сомнение правомерность отнесения таких договоров к международному частному праву. В связи с этим возникает проблема соотношения международных договоров как источников гражданского, семейного и трудового права и международного частного права. В этой работе хотелось бы отметить только одно: унифицированные материальные нормы права действительно устраняют коллизии права разных государств. По этому критерию они могут быть отнесены автором статьи (пока только условно) к международному частному праву, а по своей природе – к нормам гражданского, семейного и трудового права как отраслей частного права. Этот вопрос логичнее рассматривать отдельно, давая оценку международному частному праву как системе правовых норм.

Многие авторы при определении источников материальных норм международного частного права забывают о том, что материальные нормы составляют содержание правовых торговых обычаев, которые регулируют отношения, осложненные иностранным элементом. Такие правовые обычаи сформировались в ходе общественной практики и, казалось бы, не должны вызывать коллизий права нескольких государств. Тем не менее правовые обычаи санкционируются в качестве правовых норм не всеми государствами; некоторые государства не признают их обычаями [18, с. 134], а в некоторых они имеют силу закона [19, с. 169]. В такой ситуации могут возникать коллизии материальных норм правовых обычаев одного государства и материальных норм законодательства других государств (коллизия форм права). Таким образом, в одних случаях правовые обычаи носят характер унифицированных норм, в других – являются основанием для возникновения коллизии. И в первом, и во втором случае материальные нормы правовых обычаев могут быть отнесены к источникам международного частного права на том основании, что они реализуются только при упоминании в договорах субъектами международного частного права как регулятора их отношений. При этом коллизии права применительно к конкретным отношениям не возникает. Отнесение правовых обычаев к международному частному праву

или гражданскому праву требует дополнительного изучения в контексте характеристики международного частного права как системы норм.

Другим видом норм международного частного права, бесспорно, являются коллизионные нормы. Международное частное право возникло как совокупность данных норм и в некоторых странах таковым остается до сих пор. Существует множество определений коллизионных норм. Некоторые из них отражают функцию коллизионных норм (разрешение коллизий) [1, с. 145; 5, с. 77; 14, с. 99; 16, с. 96; 20, с. 61; 21, с. 52], другие, не определяя ее сути, дают характеристики нормы [9, с. 59]. Поскольку норма, на основе которой осуществляется процесс выбора применимого права, является коллизионной, правильнее было бы определить коллизионную норму как правило поведения. Таким образом, коллизионная норма – это правило, на основе которого разрешаются коллизии права разных государств. Такого определения достаточно для достижения цели данного исследования.

Гораздо сложнее проблема определения природы коллизионных норм международного частного права. О понятии «природа» коллизионных норм мы уже писали. Коллизионные нормы – это нормы публичного права, и такой вывод был сделан при рассмотрении коллизионных норм в системе с другими явлениями [22]. В данной статье приводятся дополнительные аргументы в пользу этой позиции.

М.И. Брун в своей работе 1915 г. «Введение в международное частное право» охарактеризовал МЧП следующим образом: «Международное частное право не является ни международным правом, ни частным правом» (речь идет о коллизионном праве. – Прим. автора) [23, с. 5]. При этом «не частный» характер МЧП он объяснял следующим образом: «Частное право в объективном смысле есть совокупность норм для отношений между субъектами гражданских прав. Напротив, международное частное право не регулирует никаких отношений между этими субъектами. Ему нет дела до того, как регулируются правоотношения между частными лицами, как приобретаются и утрачиваются субъективные частные права; для него нормы о частноправовых отношениях являются данностью, которую он не намерен ни отменять, ни изменять» [23, с. 4, 5].

О причинах возникновения международного частного права (объясняющих природу коллизионных норм) еще в 1865 г. писал Н. Иванов в своей работе «Основания частной международной юрисдикции». Формулируя собственную теорию частной международной юрисдикции, он отмечал, что «в основе юридических международных отношений лежат два начала: начало государственной самостоятельности и начало взаимного общения наций» [24, с. 19]. Выражаясь современным юридическим языком, он писал об основании возникновения отношений, осложненных иностранным элементом, – развитии коммуникации между населением разных государств – и об основании возникновения международного частного права как части внутригосударственного права – государственном суверенитете. Используя термин «международные юридические отношения», исследователь дал возможность распространить эти два основания и на право, которое появилось вслед за такими отношениями. Эти основания до сих пор никто не оспаривал, но трактуются они по-разному.

Первое основание – взаимодействие населения разных государств – не является достаточным основанием для возникновения международного частного права. Взаимодействие представителей разных племен и народов имело место всегда, но вопрос о необходимости международного частного права возник только примерно в XIV в. [24, с. 10], а первые коллизионные нормы появились еще на пять веков позже. Расширение международных частных отношений потребовало их регулирования, и это можно было бы считать основанием для международного частного права, если бы оно развивалось как часть международного публичного права. В связи с этим возникает вопрос об определении явления, возникновение которого запустило механизм формирования коллизионного права, в настоящее время являющегося основой международного частного права.

В конце XVIII в. коллизионное право рассматривалось в контексте межгосударственных отношений, особенностью которых стала коммуникация суверенных государств. К этому времени государственный суверенитет получил признание и стал реальностью. Между государствами возникли отношения нового качества: основанные на принципе уважения суверенитета друг друга и их равноправия. Формирование новых межгосударственных отношений создало условия для возникновения большего количества правовых коллизий, поскольку было признано, что каждое государство имеет право независимо и самостоятельно регулировать отношения на своей территории и определять содержание правовых норм.

Таким образом, объективной основой для возникновения международного частного права являются отношения между субъектами разных государств и отношения между государствами, основанные на признании суверенитета друг друга. Очевидно, что признание государственного суверенитета и установление на его основе особых отношений между государствами послужили основанием для возникновения международного частного права. Это подтверждается и работами зарубежных авторов, которые являются специалистами в области правовых систем, относящихся к англосаксонской правовой семье. В частности, в своей работе М.Д. Шапсугова обращает внимание на то, что в классическом британском учебнике Cheshire, North & Fawcett «Международное частное право» особое внимание уделяется вопросам соотношения международного частного права и государственного суверенитета [25, с. 27, 28].

Если очевидно, что государственный суверенитет и возникновение коллизий права являются необходимыми условиями возникновения МЧП, то вопрос о влиянии МЧП на суверенитет остается до сих пор не изученным. Представляется, что влияние МЧП на суверенитет – важный фактор для определения природы МЧП (частной или публичной) и его основной функции.

Коллизионное международное частное право как часть системы права государства определяет применимое право к отношениям, подпадающим под юрисдикцию нескольких государств, тем самым создавая условия для применения иностранного права на территории государства. Это дает основания считать, что на основе коллизионной нормы государство ограничивает свое суверенное пра-

во регулировать определенные отношения и применять свое право на своей территории. Следовательно, такое самоограничение может быть реализовано по решению государственных органов или иных негосударственных субъектов на основании законов. В теории статуты и упомянутой работе Н. Иванова в основе этого явления лежат «международная вежливость» и «уступчивость» [24, с. 13].

Публичная природа коллизионного права МЧП РФ объясняет следующие объективные факты:

- субъекты правоприменения применяют только коллизионные нормы своего государства;

- в том случае, когда на основании коллизионных норм определяется применимое иностранное право, применяются материальные нормы этого иностранного права (хотя есть и исключения, которые имеют значение при исследовании функции международного частного права – защиты прав субъектов частных отношений);

- коллизионная норма не может иметь форму правового обычая, поскольку в этом случае ее содержание отражало бы негосударственные субъекты, хотя впоследствии и было бы санкционировано государством;

- коллизионные нормы устанавливают императивные правила определения применимого права, а не диспозитивные (хотя есть мнение о том, что альтернативные коллизионные нормы являются диспозитивными);

- в разд. VI ГК РФ наряду с коллизионными нормами также присутствуют материальные нормы (регулятивные), которые относятся к системе публичного права (например, процессуальные – п. 2 ст. 1191, п. 2 ст. 1192, п. 2 ст. 1193, конституционные – ст. 1194).

Таким образом, коллизионные нормы международного частного права являются инструментом самоограничения государством своего суверенитета. Такой инструмент может быть только публичным, поскольку суверенитет – это основное свойство (признак) государства, которое может быть ограничено либо суверенитетом другого государства, либо с согласия самого государства в форме положений международного договора, например Устава ООН, или закона.

Можно предположить контраргумент о том, что стороны договора, осложненного иностранным элементом, могут сами выбирать применимое право в контексте института «автономии воли» (например, ст. 1210 ГК РФ). В этой связи необходимо понимать, что представляет собой «автономия воли» в указанной статье ГК РФ. Ответ очевиден: это право субъектов (или субъективное право) частных отношений (или правоотношений), осложненных иностранным элементом, предоставленное государством в определенных им случаях. В качестве аналога можно привести пример права обращения в международные организации физических и юридических лиц, которые не являются субъектами международного права, а выступают участниками международных отношений по воле государств – основных субъектов международного права.

Формами коллизионных норм международного частного права являются международные договоры и законы государства. Это объективное явление. Особенностью применения коллизионных норм таких источников является их само-

достаточность. Если применяются коллизионные нормы международных договоров, то нормы законов не применяются, и наоборот.

В отличие от материальных норм, коллизионные нормы непосредственно не регулируют отношения. Они предназначены для определения материальных норм, поэтому применение коллизионных норм предшествует применению материальных. Они не имеют никакого отношения к регулированию частных отношений, осложненных иностранным элементом. На этом основании автор относит коллизионные нормы к особому виду специализированных норм [22].

Заключение

Для целей данной статьи условно принимается за истину утверждение о том, что международное частное право состоит из материальных и коллизионных норм. В доктрине российского права природа международного частного права определяется совокупностью его норм в целом; в данном исследовании – отдельно для материальных и коллизионных норм. Такой подход является новым и обусловлен объективными различиями этих видов норм.

Приведем основные выводы.

Расширение международного общения между людьми в XIV в. обусловило необходимость создания норм, которые устраняли бы коллизии в праве самостоятельных правовых систем (в то время – городов-государств). С этой целью различные научные школы стали искать справедливые принципы разрешения таких коллизий в контексте международного права. В конечном счете эти принципы были трансформированы в коллизионные нормы, которые до сих пор составляют основу международного частного права. Исходя из этого можно утверждать, что нормы, составляющие международное частное право, должны быть объединены основной целью: разрешением коллизий в праве государств. Автор данной статьи определяет эту цель как критерий для определения состава МЧП.

Первые коллизионные нормы права появились только в XX в. как часть не международного, а внутригосударственного права. Этому способствовало распространение концепции государственного суверенитета и признание принципа суверенного равенства государств, в том числе в регулировании государствами отношений, возникающих на их территории. В основе зарождения международного частного права как внутригосударственного коллизионного права, представляющего собой правила определения применимого права к частным отношениям, осложненным иностранным элементом, которые обеспечивают связь таких отношений с юрисдикцией нескольких государств, лежали два фактора. На основе «международной вежливости» и «уступчивости» применение коллизионных норм в строго определенных случаях приводит к применению норм иностранного права для регулирования частных отношений иностранным правом на территории государства. Таким образом, коллизионные нормы ограничивают суверенное право государства регулировать частные отношения, осложненные иностранным элементом, на своей территории. Это объясняет вывод о публичной природе норм коллизионного права, сделанный автором данной статьи.

Приводя новые аргументы в пользу состава материальных норм международного частного права, автор убежден, что только унифицированные материальные нормы могут считаться частью международного частного права, поскольку они позволяют разрешать возникающие коллизии права нескольких государств в конкретных ситуациях. На этом основании материальные нормы нормативных правовых актов государства, специально устанавливающие правовой статус или регулирующие отношения с участием иностранцев, не могут входить в систему международного частного права, поскольку именно они порождают коллизии права нескольких государств. Материальные нормы публичного права государства, даже если они регулируют отношения с участием иностранцев, не могут быть частью частного права, поскольку не порождают коллизий в силу того, что публичные отношения на территории каждого государства регулируются только правом этих государств. Публичные и частные права иностранцев имеют разную природу, обусловленную разным типом правового регулирования. Такой подход к обоснованию состава материальных норм международного частного права является новым для российской доктрины международного частного права.

На основании вышеизложенного автор приходит к выводу о том, что международное частное право носит смешанный (публично-частный) характер, отражающий природу коллизионных и материальных норм, входящих в его систему. Такой подход является новым для российской доктрины.

Список источников

1. Международное частное право: современные проблемы / отв. ред. М.М. Богуславский; рец. И.И. Лукашук, Н.П. Семенов. Москва: ТЕИС, 1994. 507 с.
2. Гаврилов В.В. Международное частное право. Москва: Норма, 2000. 304 с.
3. Морева Р.Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2007. 241 с.
4. Рахмонкулова Н. Х.-А. Правовая природа международного частного права и его место в системе права // Государство и право. 2017. № 7. С. 99–103.
5. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Междунар. отношения, 1994. 416 с.
6. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2021. 671 с. URL: <https://study.garant.ru/#/document/-77171704/paragraph/1:0>
7. Сидорова А.В., Мастяев Д.С. К вопросу о природе международного частного права // Modern science. 2020. № 10-1. С. 200–203.
8. Ануфриева Л.П. Философские аспекты международного частного права: природа, сущность и содержание // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 52–63. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-9-52-63
9. Донцова К.Б. О понятии, содержании и структуре материального права // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. С. 15–20. DOI: 10.25724/VAMVD.CHIJ
10. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права. Москва: Проспект, 2014. 568 с.
11. Бошно С.В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современное государство. 2019. № 4. С. 4960. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/norma-prava-ponyatiya-svoystva-klassifikatsiya-i-struktura>

12. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 5-е изд. Москва: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 528 с.
13. Российское гражданское право: учебник. В 2 т. / отв. ред. Е.К. Суханов. 2-е изд. стереотип. Москва: Статут, 2011. Т. 1. 958 с.
14. Международное частное право: учебник / под ред. Г.К. Дмитриевой. Москва: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001. 656 с.
15. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учебник. Москва: Эксмо, 2005. 752 с.
16. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Международные отношения, 2016. 1008 с.
17. Трудности арбитража и законы ОАЭ: как прошел Dubai New Economy Legal Forum. URL: <https://pravo.ru/story/245664/>
18. Нукушева А.А., Кудрявцева Л.В., Кара М.А. Особенности правовой природы Инкотермс. URL: https://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/7823/Nukusheva_Osobennosti_129-137.pdf?sequence=1&isAllowed=y
19. Тонкова Г.П., Федорященко А.С. Правовая природа и значение ИНКОТЕРМС для регулирования предпринимательских правоотношений // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 20 (139), вып. 22. С. 167–172.
20. Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. Москва: Спарк, 2002. 415 с.
21. Кузнецов М.Н. Коллизионные нормы как основа международного частного права // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 1. С. 52–54.
22. Литвинова С.Ф. Место коллизионных норм международного частного права в системе российского права // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 80–91.
23. Брун М.И. Введение в международное частное право. Петроград: тип. В.Ф. Киршбаума, 1915. 79 с.
24. Иванов Н. Основания частной международной юрисдикции. Казань, 1865. 55 с.
25. Шапсугова М.Д. Определение, природа и сфера частного международного права в работе Чешира, Норта и Фоусета «Частное международное право» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 3. С. 27, 28.

References

1. Frequent international law: modern problems. Reply / edited by M.M. Boguslavsky; rec. I.I. Lukashuk, N.P. Semenov. Moscow: TEIS; 1994. 507 p.
2. Gavrilov V.V. International private law. Moscow: Norma Publishing; 2000. 304 p.
3. Moreva R.B. The nature and place of private international law in the legal system of the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.03. Moscow; 2007. 241 p.
4. Rakhmonkulova N.H.-A. The legal nature of private international law and its place in the legal system. *State and law*. 2017; (7): 99–103.
5. Boguslavsky M.M. International private law: textbook. 2nd ed., revised and additional. Moscow: International. Relations; 1994. 416 p.
6. Boguslavsky M.M. Private International Law: textbook. 7th ed., revised and add. Moscow: Norma; 2021. 671 p. URL: <https://study.garant.ru/#/document/77171704/paragraph/1:0>
7. Sidorova A.V., Mastyaev D.S. On the nature of private international law. *Modern science*. 2020; (10-1): 200–203.
8. Anufrieva L.P. Philosophical aspects of private international law: nature, essence and content. *Questions of philosophy*. 2020; (9): 52–63. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-9-52-63

9. Dontsova K.B. On the concept, content and structure of substantive law. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018: 15–20. DOI: 10.25724/VAMVD.CHIJ
10. Radko T.N., Lazarev V.V., Morozova L.A. Theory of the state and law. Moscow: Prospekt Publ.; 2014. 568 p.
11. Boshno S.V. Norm of law: concepts, properties, classification and structure. *Law and the modern State*. 2019; (4): 4960. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/norma-pravoponyatiya-svoystva-klassifikatsiya-i-struktura>
12. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of the state and law: textbook. 5th ed. Moscow: Publishing house "Delo" RANEPА; 2021. 528 p.
13. Russian civil law: textbook. In 2 vol. / ed. by E.K. Sukhanov. 2nd ed. the stereotype. Moscow: Statute; 2011. Vol. 1. 958 p.
14. Private international law: textbook / edited by G.K. Dmitrieva. Moscow: PBOYL Grigenko E.M.; 2001. 656 p.
15. Getman-Pavlova I.V. International private law: textbook. Moscow: Eksmo Publishing House; 2005. 752 p.
16. Kanashevsky V.A. International private law: textbook. 3rd ed., revised and additional Moscow: International Relations; 2016. 1008 p.
17. The difficulties of arbitration and the laws of the UAE: how the Dubai New Economy Legal Forum was held. URL: <https://pravo.ru/story/245664/>
18. Nukusheva A.A., Kudryavtseva L.V., Kara M.A. Features of the legal nature of Incoterms. URL: https://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/7823/Nukusheva_Osobennosti_129-137.pdf?sequence=1&isAllowed=y
19. Tonkova G.P., Fedoryashchenko A.S. The legal nature and significance of INCOTERMS for regulating business relations. *Scientific bulletin. The Philosophy series. Sociology. Right*. 2012; 20 ((139) 22): 167–172.
20. Anufrieva L.P. Correlation of international public and international private law: legal categories. Moscow: Spark; 2002. 415 p.
21. Kuznetsov M.N. Conflict of laws rules as the basis of private international law. *Education. Science. Scientific staff*. 2019; (1): 52–54.
22. Litvinova S.F. The place of conflict-of-laws rules of private international law in the system of Russian law. *The territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University*. 2024; 16 (4): 80–91.
23. Brun M.I. Introduction to Private International Law. Petrograd: V.F. Kirshbaum's Types; 1915. 79 p.
24. Ivanov N. The foundations of private international jurisdiction. Kazan: In the University printing house; 1865. 55 p.
25. Shapsugova M.D. Definition, nature and scope of private international law in the work of Cheshire, North and Fawcett "Private International Law". *North Caucasian Law Bulletin*. 2015; (3): 27, 28.

Информация об авторе:

Литвинова Светлана Федоровна, канд. юрид. наук, доцент, доцент каф. гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Svetlana.litvinova@vvsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.63973/2949-1258/2025-3/212-229>

EDN: <https://elibrary.ru/UZFUYE>

Дата поступления:
09.07.2025

Одобрена после рецензирования:
10.07.2025

Принята к публикации:
20.08.2025